

На старте — Росинант.

О ГОЛОСЕ КОЛОКОЛОВ, «САДКО-2» И ТАЙНАХ СЦЕНЫ

Репортаж из-за кулис ГАБТа

У пульта звонницы Евгения Яковщентно.

О том, что я не настоящий пожарный, знали лишь немногие. Несколько суток я нес вахту за кулисами самого большого театра нашей страны. Зачем же повадился репортеру столь необычный маскарад? Хотелось, оставаясь незамеченным, проникнуть в святая святых театра. Беспокоила меня лишь фотоаппарат. Но вскоре я убедился, что пожарный, вооруженный телеобъективом, а не брандспойтом, сенсации не вызывает.

Итак, записи в блокноте: о голосе колоколов, старшем сержанте, магах и истинном привидении Мавра.

И ПРИШЛА пора повгородскому гусляру отправляться в царство морского владыки. Замерли зрители. Зачарованно следят они за приключениями Садко на сцене. Им сейчас и невдомек, что на деле гусляру не плыть среди волн, а лететь подвешенным на тонком стальном тросе вдоль всей огромной сцены. Там, за голубыми тюлями, на многоэтажной высоте закулисного «верха» уже застегнул парашютные лямки «Садко-2» — дублер певца. Вот на световом табло вспыхнула «лампочка». Пора! «Садко-2» смело шагает в «во-ду».

Сегодня распоряжается чудеса Федор Комов, главный маг «верха» — бригадир мон-

тировщиков. Его рабочее место всегда в полутьме у пульта. Тайственно поблескивают стеклянные глаза датчиков. Время от времени коробочка приемника коротковолновой связи доносит до Федора Ивановича команды о смене декораций. И тогда, словно по маговению жезла волшебника, приходят в движение подвешенные в театральном небе города, горы и доли. Смекалостные электронные приборы сами размещают по различным высотам 55 тонн декораций.

Гордятся монтажники своей техникой и сноровкой. Когда в Москву приехала миланская опера «Ла Скала», декорации к «Трубадуру» устанавливали на сцене пять наших монтажников. Очень удивилась итальянцы — в Милане ту же работу делают 35 рабочих сцены.

ЕВГЕНИЙ Алексеевна Яковщентно сама говорит: с рождения к звону приучена. В оркестре играет с четырнадцатилетнего возраста. Я не оговорился, именно не звонит, не бьет в колокола, а играет. Учил ее отец, знаток русского колокольного звона Алексей Васильевич Кусакин, создавший свою первую звонницу из брошенных автомобильных дисков.

В звоннице ГАБТа, на которой и играет Евгений Алексеев-

на, колоколов много, побольше, чем в любом соборе. Самый малый весит 3 фунта, а большой — много тонн. Кстати, собирал их Кусакин по всей стране по голосам. Над доставкой колоколов в театр и подвеской их на сцене не один день ломали головы инженеры.

Как же может хрупкая женщина управляться со своим многотонным хозяйством и не только извлекать из медногласных инструментов тончайшую филигрань «Славься», но и тяжелым набатным звоном сыграть пароду в «Иване Сусанине»? Центральный пост звонницы, словно площадка гарпуна на китобойце, прилепился к глухой стене сценического корабля. Сюда от всех колоколов через блоки спускаются бесчисленные шнуры, тросы и тропики. От больших и средних колоколов крепятся они к цепям, от малых тянутся к клавишам, совсем таким, как у фортепьяно. В антракте я не удержался, чуть трону клавишу, и тут же где-то сверху тонко зашел колокольчик.

Евгения Алексеевна говорит о колоколах, как о живых существах. Они и вправду живые, петь обучены, каждый имеет свою ноту и массу обертонов, как бы переливается звуком из одной ноты в другую. Признаться, думал я, что у Евгения Алексеевны с годами выработался особый иммунитет к гулу колоколов, ведь говорят же в народе: глухой, как звонарь. Оказывается, просто пульт так расположен, что над ним небольшая мертвая зона для звуков.

Он всегда ждет вечера. Ждет, когда снова наденут ему башмаки и он, словно Золушка, отправится во дворец. Мавр постоянно прописан в конюшнях Московского ипподрома. Мавр стойкий. Да и как не будешь стойким, если целыми днями приходится возить на своей спине неумелых всадников, которые даже шенкелями

держат лошадей как следует не умеют. Скептически косит на них глазом Мавр и знает себе трусит по кругу мелкой рысцой. Дням Мавра работает в прокате.

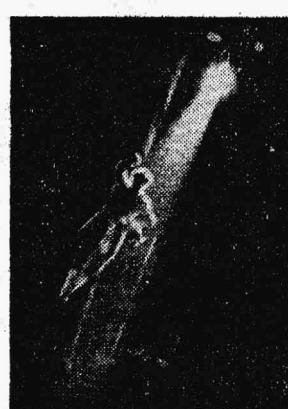
Наконец настает заветный вечер. До блеска вычесанному скребницей Мавру поддают «карету». И тут уже нечего его понукать. Мгновение — и Мавр в кузове грузовика. Вот, наконец, он и за кулисами Большого театра. Привязанный уздечкой к бутафорской колоде, Мавр перебирает ногами, обутыми в башмаки (на сцене проводов хоть отбавляй — подковами перерубить недолго). Прядает ушами, вслушивается в музыку — ждет своего выхода. У Мавра абсолютный слух и хорошая музыкальная память. Так определяли эксперты еще четыре года назад, когда он проходил «конкурс».

Рассказывают, что бывали случаи — забудут Мавру вовремя команду на выход, а он, только слышав знакомую мелодию, сам выходит. Под чьим седлом только не приходилось выступать Мавру: в «Хованщине», «Лауренсии», «Князе Игоре», «Иване Сусанине»... А сегодня он Росинант в «Дон-Кихоте» — роль для сытого коня, наверное, обидная.

СКАЖИ-КА дядя Ваня, а бывали в Большом театре пожары? Старший сержант Иван Никифорович Михаилн задумывается надолго.

— Горел Большой только однажды, — наконец прерывает молчание дядя Ваня. — В 1853 году, 11 марта. Отдачился тогда мастерской Марин Василий. Проездом в Москве был, а все же не спасова! пока зевачи смотрели, как вверху человек мечется, по водосточной трубе на крышу взобрался, веревкой его обвязал да вниз спустил. Спас человека.

Я вспоминаю, что в одну из ночей 41-го года в вестибюль театра попала фуфуска.

Садко в полете.

— Да, было дело, поработать пришлось нашему брату пожарному.

Дядя Ваня неторопливо рассказывает, как затушили тогда пожарные Большого сотни гитлеровских бомб-зажигалок...

За кулисами Ивана Никифоровича знает каждый. Строг старший сержант. Не приведи, чтобы дымок сигареты в неподобающем месте учуял, тогда только держись — распушит. Ну, а если новая роль или новый спектакль, тут он уже не Иван Никифорович, не товарищ старший сержант, а дядя Ваня — добрый театральный критик. Кого только не привелось ему слушать и видеть из коридоров русской сцены за долгие годы службы в отличной пожарной части Большого театра! Сам видел, как выглядел он из-за кулис в напряженно следи за репетицией нового балета. А потом, взятый в окружении молодых танцовщиц, говорил многозначительно: «...Вы, ребята, музыку слушайте хорошенько. Нужно тонко разобрать каждый кусочек, каждый звук».

И. ГРИЧЕР.
Фото автора.

Дядя Ваня.